

ПОКА
НИКТО
НЕ СПРОСИЛ

Peter Swiss

Пока никто не спросил

<https://litres.ru/74606328>

SelfPub; 2026

Аннотация

В двадцать лет Марк приходит к главному входу дорогой гостиницы и просит позвать директора. За плечами — случайные подработки, завод и английские слова на бумажных наклейках. Впереди — работа, к которой он ещё не готов.

Спустя десять лет друг задаёт простой вопрос: «А до этого?» Отвечая, Марк вспоминает то, что привык пропускать в рассказе о себе: чужую помощь, невыполненные обещания, страх показаться слабым и людей, без которых он никуда бы не дошёл.

«Пока никто не спросил» — роман с автобиографической основой о взрослении, работе и дружбе. О желании изменить свою жизнь и трудности честно рассказать, как это произошло.

Содержание

О книге	5
Содержание	6
Пролог Запись без названия	8
1 Чужой сад	10
2 Что вырастет	18
3 Лестница	26
4 Низкое напряжение	34
5 Наклейки	48
6 Пустая папка	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Peter Swiss

Пока никто не спросил

Пока никто не спросил

Роман исповедь

Расширенная редакция

О книге

Художественный роман от первого лица о работе, стремлении изменить жизнь и людях, чья помощь остаётся за коротким рассказом об успехе. Биографическая основа — ранние подработки, работа на заводе, самостоятельное изучение английского и начало гостиничной карьеры.

Имена персонажей заменены. Реальные названия компаний и географические привязки исключены. «Меридиан» — вымышленная гостиница. Диалоги, бытовые подробности и дополнительные эпизоды художественно реконструированы или придуманы.

Исходный устный рассказ завершается окончанием испытательного срока в гостинице. Дальнейшая гостиничная работа, обстоятельства перехода в IT, история дружбы и встречи с учениками — художественное продолжение. Работа рассказчика в IT к тридцати годам обозначена в исходном рассказе; подробности этого этапа вымышлены.

Содержание

Пролог	Запись без названия	4
1	Чужой сад	5
2	Что вырастет	9
3	Лестница	13
4	Низкое напряжение	17
5	Наклейки	24
6	Пустая папка	29
7	Главный вход	36
8	Вас не назначали	40
9	Не тот этаж	47
10	Семь пятнадцать	51
11	Почему вас взяли	54
12	Номер для двоих	57
13	Пять комнат	61
14	Выходной	68
15	Человек за моей спиной	72
16	Таблица	79
17	Чужой порядок	82
18	Слишком знакомый ответ	88
19	Последние смены	91
20	Новый экран	95
21	Срок ответа	99
22	Пока никто не спросил	106

Эпилог Второй вопрос 112

Пролог Запись без названия

Первую запись я отправил сразу. В ней всё было хорошо: мне тридцать, я работаю в компании, которая делает программы для гостиниц, мне нравится то, чем я занимаюсь. Я даже сумел обойтись без слов «новый этап». Потом Антон ответил.

«А до этого?»

Я написал: «В смысле?»

Он прислал фотографию. На ней мы сидели перед моим старым компьютером. У меня была такая напряжённая спина, будто от осанки зависела скорость интернета. Антон смотрел в монитор и держал кружку за ободок: ручка у неё давно отвалилась. Картинка была смазанная. Зато на экране можно было разобрать слово «Резюме».

Через неделю Антон собирался встретиться с учениками своего бывшего училища. Попросил меня тоже прийти, рассказать про работу. Я согласился и записал короткое представление. Вышло так, будто десять лет назад я открыл дверь и просто оказался там, где сейчас нахожусь.

«Они уже знают, кем ты работаешь, — написал Антон. — Я им сказал. Им интереснее, как ты туда попал».

Вечером я положил телефон на стол. Текст будущего выступления занимал половину страницы: завод, английский, гостиница, программы. Между пунктами стояли стрелки. Ни

одна не объясняла, сколько приходилось ждать.

Я попробовал говорить по этой бумаге. На слове «целеустремлённость» остановился. Такое слово я мог бы вписать в резюме. Ты тогда его вычеркнул, Антон. Сказал: «Лучше напиши, что действительно умеешь».

Теперь пришлось вычёркивать снова.

Я включил запись и придвинул фотографию. Хотел начать с того, как вошёл в гостиницу, но вспомнил совсем другой вход. Калитка, скрученная проволокой. Если не знать, в какую сторону тянуть, она не открывалась.

Мне было лет двенадцать. У тебя ещё не было ни фотографии, ни компьютера, ни повода спрашивать, как я куда-то попал.

— Слушай, — сказал я в телефон. — Кажется, начать придётся раньше.

1 Чужой сад

Земля под ногтями держалась дольше денег.

После работы я мыл руки в уличном тазу, потом дома с мылом, тёр ногти старой щёткой. Утром сидел за партой и всё равно прятал пальцы. Особенно когда учительница просила открыть тетради. Чернила на бумаге выглядели чистыми; мои руки — как продолжение чужого огорода.

Первая женщина, которая дала мне работу, жила через два дома от нас. Я буду звать её Ниной Павловной. Ей нужно было расчистить дорожки после ветра. Она спросила, умею ли я пользоваться граблями. Я сказал, что умею, хотя до этого видел их только у неё за сараем.

Оказалось, листья надо собирать не просто в красивую кучу. Их требовалось вынести, а между грядками не задеть то, что росло. В первый день я выдрал вместе с сорняком три маленьких растения. Нина Павловна долго смотрела на пустое место.

— Это были цветы, — сказала она.

— Я думал, трава.

— Ясно, что думал. Спросил бы.

Я предложил удержать деньги. Она велела принести воды.

Мы сели на корточки и посадили два растения обратно. Третье сломалось. Она выбросила его, а я весь день следил, не заговорит ли снова об этом. Не заговорила. Вечером за-

платила, как обещала.

Я тогда решил, что мне просто повезло. Сейчас я помню другое: она не оставила меня одного с ошибкой. Показала, где листья у цветов отличаются от сорняков, дала маленькую лопатку, объяснила, почему воду нельзя лить прямо на стебель. Это занимало время. Я не знал, что время другого человека тоже чего-то стоит.

Работа разрасталась. Через забор окликнул сосед. У него нужно было поливать деревья. Потом ещё кто-то попросил собрать опавшие плоды. Взрослые передавали друг другу моё имя, и я ходил по улице с ощущением, что у меня уже существует дело.

Дело зависело от погоды. После дождя никто не нуждался в поливе. Зимой листья исчезали. Я с досадой смотрел на пустые ветки. У деревьев был свой распорядок, и мои планы в него не входили.

Деньги я складывал в коробку от печенья. Иногда пересчитывал дважды: вдруг в первый раз ошибся. Ошибки случались только в меньшую сторону. Из коробки уходили деньги на проезд, еду, какие-то нужные вещи. Я не жалел, но удивлялся: труд занимал весь день, а результат помещался между двумя пальцами.

Однажды я задержался у Нины Павловны. Она попросила дополоть одну грядку, потом ещё полгрядки. Мне хотелось уйти. Во дворе за два дома от нас ребята гоняли мяч; по звуку было понятно, кто забил. Я продолжал выдёргивать траву.

Стоило поднять голову, как женщина говорила: «Вот здесь ещё посмотри».

В конце я заметил, что грабли стоят у самого выхода, но никак не могу до них дойти. Это неприятное чувство потом возвращалось на разных работах: выход виден, а перед ним всё время появляется ещё одно поручение.

Вечером Нина Павловна вынесла мне тарелку абрикосов. Я ел их по дороге, выплёвывая косточки в ладонь. Не хотел сорить на только что подметённой улице.

В одну из суббот я пришёл к ней раньше обычного. На калитке висел маленький замок. Я постучал по железу. За забором была тишина, и я решил, что меня забыли. Пошёл вдоль улицы, вернулся, снова постучал. Нина Павловна вышла в халате.

— Мы на девять договорились.

— Я уже могу.

Она посмотрела на часы, потом на меня. Было без двадцати восемь. Мне хотелось показать усердие. Я почему-то считал, что в этом не может быть ничего неудобного для другого человека.

— А я пока не могу, — сказала она. — Приходи в девять.

Я побрёл обратно. Дома спрашивали, почему так быстро вернулся. Ответил, что работы пока нет. Правда показалась бы унижительной: пришёл слишком рано и был отправлен назад. Чтобы успокоиться, пересчитал деньги в коробке. Потом сложил их другим способом, крупные отдельно от мелких.

Получилось столько же.

В девять она открыла калитку. На дорожке лежал шланг. Нужно было протянуть его в дальнюю часть сада, полить и не забыть закрыть кран. Плата оставалась той же, что в прошлый раз.

— До скольких? — спросил я.

Нина Павловна остановилась. Раньше я никогда не задавал такого вопроса.

— До обеда управишься.

— Во сколько обед?

— Ну, в час.

Я кивнул. В начале второго напомнил, что уже час. Она сказала: «Сейчас вот эти закончим». Я показал на часы. Мне было страшно, но я уже договорился с ребятами о встрече и не хотел снова подводить их.

— Тогда доделаешь завтра, — ответила она.

Оказалось, так можно. Никто не прогнал меня, денег не отняли. Я ушёл с недоделанным садом, который прекрасно пережил моё отсутствие.

Однако в следующий раз она попросила задержаться, и я согласился. Легко было однажды произнести правильный вопрос, когда за забором ждали друзья. Сложнее, когда тебя никто не ждал. Тогда я предпочитал оставаться полезным.

Нина Павловна иногда приносила на улицу стул. Садилась в тени, давала поручения и рассказывала новости. Я слушал вполуха. В её рассказах люди всё время неправильно что-

нибудь делали: приезжали редко, покупали дорого, сажали не туда. Мне казалось, я могу избежать их ошибок, если буду стараться.

Однажды она заговорила про сына. Он должен был приехать починить навес, но снова отложил. Нина Павловна сердито постукивала палкой по краю стула. Я предложил починить сам.

Она спросила, умею ли я. К тому времени история с цветами ещё хорошо помнилась. Я признался, что нет.

— Тогда и не лезь, — сказала она.

Мне стало обидно. Я ведь предложил помощь. Только намного позже понял: помощь, для которой нет ни инструмента, ни опыта, может прибавить человеку работы.

Сын всё-таки приехал. Я находился в саду и встретил его у калитки. Он вытащил из машины доски, попросил придержать одну. Мы работали молча. Нина Павловна стояла рядом и несколько раз повторила, что наконец дождалась. Мужчины не отвечал. Мне казалось, ему нечего возразить.

Потом я услышал, как он говорит по телефону. На другом конце был ребёнок, спрашивал, когда папа вернётся. Мужчина обещал скоро. Нина Павловна в это время позвала его к другому концу навеса: там тоже надо было посмотреть.

Он закончил разговор, поправил крышу и сказал, что остальное в следующий раз. Женщина стала перечислять, что ещё осталось. Он повторил, что должен ехать. Я впервые увидел, как взрослый человек отказывается от поручения,

хотя его явно считают не до конца выполненным.

На прощание он спросил, сколько мне платят. Я назвал сумму. Он посмотрел на мать, потом на мои руки.

— Перчатки ему хотя бы купи.

— Он в перчатках не чувствует ничего, — сказала она.

Я кивнул в подтверждение. Перчаток у меня не было, но очень хотелось поддержать женщину, которая давала работу. Мужчина ничего больше не сказал.

На следующей неделе Нина Павловна вынесла новые перчатки. Они оказались велики. Я завернул края. В них действительно было трудно брать мелкую траву, зато мозоли больше не цеплялись за ручку ведра. Когда женщина ушла в дом, я несколько раз сжал и разжал пальцы, прислушиваясь к шуршанию ткани.

Про деньги её сын потом уже не спрашивал. Мне казалось, он знает обо мне лишнее. Когда приезжал, я старался работать быстрее, чтобы доказать, что плату получаю заслуженно. Хотя ничего такого он не утверждал.

В конце сезона я захотел попросить больше. Заранее придумал речь: работа тяжёлая, другие платят иначе, у меня опыт. Пока шёл к калитке, повторял её, но внутри сказал только:

— Может быть, чуть побольше?

— За что?

Вопрос обрушил всё, что я подготовил. Я начал перечислять грядки. Нина Павловна перебила: за них уже договори-

лись. Тогда я сказал, что другие дают больше. Она спросила, кто. Я назвал соседку, хотя у неё было другое поручение и другой объём.

Разговор не получился. Нина Павловна предложила, если не устраивает, не приходите. Я сразу ответил, что устраивает.

Дома злился на неё, потом на себя. Хотел рассказать кому-нибудь и услышать, что женщина несправедлива. В результате никому не сказал. В коробке прибавилось несколько купюр, а я смотрел на них как на напоминание о разговоре.

Зимой делал небольшие дела у других людей. Весной снова пошёл к Нине Павловне. Она вынесла грабли и предложила чуть больше, без всякого торга. Я поблагодарил слишком горячо. Позже подумал, что она, возможно, просто вспомнила наш разговор. Для меня он продолжался несколько месяцев, для неё мог быть одним из десятков.

С тех пор я всё время пытался понять, какой должна быть цена, чтобы не чувствовать себя использованным. Иногда называл слишком мало, надеясь понравиться. Иногда резко требовал больше, когда уже устал. Прямой разговор до начала работы казался сложнее самой работы.

Из сада я вынес не только привычку трудиться. Ещё привычку угадывать, чего от меня ждут, и торопиться сделать это раньше вопроса. Она хорошо помогала на первых порах. Потом я много лет учился замечать, когда меня вообще никто ни о чём не просил.

Из того времени можно сделать печальную главу про детство, которого у меня не было. Но я помню и другое. В саду был кран, из которого вода выходила сначала тёплой, потом ледяной. В жару я подставлял затылок и смеялся. Нина Павловна сердито махала рукой, потому что вода уходила мимо ведра. Ребята прибегали за мной прямо к калитке. Иногда я успевал доиграть.

Я работал рано. Мне это не всегда нравилось. Однако я не хочу теперь забрать у того мальчишки всё, кроме усталости. Он бы удивился такому рассказу. У него были и абрикосы.

2 Что вырастет

На рынке я быстро понял, что продавец обязан отвечать даже на вопросы, смысла которых не понимает.

— Сладкие?

— Да.

— Точно?

— Конечно.

Я стоял за ящиком фруктов и старался выглядеть человеком, который знает каждое дерево лично. Фрукты действительно были собраны с деревьев. Только с разных. Одни поспели, другие сорвали раньше, третьи помялись в пакете. Покупатель хотел гарантию, я хотел продать.

Пожилой мужчина взял один плод и разломил руками. Попробовал, поморщился.

— Сам-то ел?

Я кивнул. Ел я вчерашние, из другого ящика. Разница показалась несущественной, пока он не положил половинки передо мной.

Он ушёл, ничего не купив. Я съел обе половинки. Они были кислыми.

Потом стал разрешать пробовать. Продажи от этого не удвоились. Иногда люди пробовали и уходили. Я сердился, считал, сколько денег съели бесплатно. Зато перестал каждый раз бояться, что меня поймают на слове «сладкие».

Работы у меня менялись чаще времени года. Я собирал фрукты, расклеивал объявления, носил товар. У меня не было торжественного решения начать трудовую жизнь. Мне предлагали возможность подзаработать, я соглашался. Вечером появлялись деньги, утром приходилось снова выяснять, где их взять.

Объявления клеили пачками. Пальцы липли, бумага размокала. На столбах уже висели чужие листки, и мы закрывали ими друг друга. К вечеру собственный текст я знал наизусть, но не мог вспомнить, сколько объявлений осталось в сумке.

Однажды прохожий остановился и спросил, правда ли комната сдаётся без посредников. Я сам снимал только пальто в прихожей. Ничего про эту комнату не знал.

— Там номер, — сказал я.

— Я вижу номер. Я тебя спрашиваю.

После этого мне стало неприятно носить чужое обещание на спине. Я ещё долго этим занимался. Неприятное чувство не оплачивало дорогу домой.

Позже я ходил по маленьким торговым точкам с коробками и списками. Среди товара были сигареты. Покупатель называл марку, я вытаскивал нужный блок. Сначала путался, потом научился узнавать упаковки краем глаза. Договорённости записывал на бумаге: кому отвёз, кто заплатил, кто сказал зайти в пятницу.

В пятницу человек мог сказать, что имел в виду следующую-

шую. Я возвращался домой злой, но на следующей неделе снова приходил. Мне казалось, настойчивость состоит в том, чтобы измотать себя до такой степени, когда тебя уже пожалеют.

Ты меня тогда ещё не знал. Наверное, если бы знал, мы бы спорили. Ты позже говорил, что я любую просьбу сначала превращаю в соревнование. В те годы я даже не замечал, когда это делал.

Зато бумагу я любил складывать без всякого соревнования.

Вечерами делал журавлей, коробочки, маленьких зверей. На столе лежал лист, я проводил пальцем по сгибу — и плоская вещь постепенно становилась объёмной. Если ошибался, разворачивал и начинал снова. Мне нравилось, что ошибка остаётся видна тонкой линией, но не обязательно портит всё.

Я пытался научить одного знакомого делать птицу. Он сложил лист два раза, посмотрел на схему и сказал, что ерундой заниматься не станет. Я спрятал готовых птиц в ящик. Несколько недель доставал их только тогда, когда оставался один.

Почему-то я стеснялся вещи, которую сделал с удовольствием. Рассказать, что весь день таскал коробки, было проще. Это звучало серьёзно. Взрослые кивали. А на бумажного журавля могли посмотреть так, будто я прогулял рабочий день.

В этих годах работа всё время менялась. О нескольких

случаях я ещё не рассказал.

С объявлениями я однажды заработал больше, чем рассчитывал. Человек, который выдал пачку, сказал, что заплатит за каждую расклеенную часть. Мы с другим мальчишкой разделили улицы. Его звали Рома. Он предложил закончить быстрее: не обходить все дома, а приклеить несколько листов рядом. Я согласился, хотя чувствовал, что придумано это для нас, а не для того, кому нужны объявления.

На одном щите мы разместили восемь одинаковых листов. Они смотрелись убедительно. Я даже решил, что так заметнее. Потом мы вернулись, отчитались и получили деньги.

Через два дня хозяин увидел щит. Позвонил Роме, потом мне. Спросил, сколько улиц действительно прошли. Я назвал почти все. Он перечислил несколько мест, где должен был увидеть объявления. Я сказал, что их, наверное, сорвали.

Это была вполне возможная причина. От этого произносить её оказалось легко. Человек не мог проверить каждый столб. Я рассчитывал на это и одновременно хотел считать себя честным.

Следующую пачку он нам не дал. Рома сказал, что хозяин жадный. Я поддержал. В нашей версии мы сделали работу, а он нашёл повод не продолжать. Другой версии обсуждать не хотелось.

Позже, когда я снова пытался устроиться куда-нибудь, приходилось говорить о своей ответственности. На память первым приходил тот щит. Я мысленно отодвигал его: это

ведь давно, я был ребёнком. Но ребёнком я был и в остальных историях, которыми гордился.

С фруктами Рома тоже предложил помочь. У него был знакомый, готовый купить всё сразу. Цена ниже, зато не надо стоять весь день. Я подсчитал, сколько получилось бы в розницу, и отказался. Решил, что сумею больше.

Мы привезли ящики рано. Рома сел рядом, сначала зазывал людей, потом устал и начал смотреть по сторонам. К полудню продали меньше половины. Фрукты нагревались, мягкие мялись. Я перекладывал хорошие вперёд. Делал это уже не для обмана: хотел, чтобы сначала заметили те, которые ещё можно съесть. Но покупатель видел весь ящик и сомневался.

Рома предложил уменьшить цену. Я упирался. Каждая уступка выглядела так, будто несколько часов до этого работал зря.

— Они же испортятся, — сказал он.

Я ответил, что не испортятся. В тот момент очень хотелось, чтобы плоды подчинились моему расчёту.

К вечеру часть отдали дёшево, часть пришлось унести. Денег получилось меньше, чем предлагал знакомый Ромы. Я пересчитывал их в автобусе, прикрывая ладонью. Рома сидел рядом, держал пакет с оставшимися фруктами. Молчал.

Я хотел, чтобы он сказал: всё равно ты правильно сделал. Вместо этого он спросил, как разделим. Я предложил оплату за помощь. Он удивился: думал, мы работаем вместе.

Мы этого не обсудили заранее. Я уже решил внутри, что товар мой, значит, ему положено немного. Рома решил, что провёл день рядом и делал всё то же, значит, результат общий. Обоим казалось, что другой прекрасно понимает очевидное.

Мы спорили у остановки. В конце я отдал больше, чем собирался, но сказал так, будто делаю подарок. Рома деньги взял и больше со мной на рынок не ездил.

Позже встречал его в разных местах. Здоровались. Один раз он сам заговорил о том дне.

— Ты тогда думал, я хотел у тебя отнять?

Я пожал плечами.

— Не знаю. Мы не договорились.

Он сказал, что теперь всё договаривает вначале. Я хотел ответить: я тоже. Но это было бы преувеличением. Я по-прежнему рассчитывал, что серьёзность моих намерений очевидна и люди должны читать её без слов.

В торговых точках этот способ не работал. Хозяин магазина мог дружелюбно встретить, похвалить скорость, взять товар, а на вопрос об оплате начать заниматься другими делами. Я стоял, ждал, улыбался, надеясь, что терпение заметят.

Один продавец объяснил, что деньги отдаёт его брат. Брата никогда не было. Утром он приезжал вечером, вечером обещал утром. Я научился задавать вопросы точнее: когда именно, по какому номеру, кому передать. Мне это казалось

почти наглостью.

Однажды я отказался везти новую коробку, пока не оплатят предыдущую. Хозяин перестал улыбаться. Назвал меня слишком деловым. Я вышел и весь день ждал, не позвонит ли он человеку, у которого я брал товар. Не позвонил. На следующий день заплатил.

Я сразу захотел превратить этот случай в правило: нужно быть жёстким. На другой точке попытался говорить так же. Там человек действительно ждал деньги от покупателей и не обещал того, чего не мог выполнить. Мы поругались без всякой пользы. Оказалось, чужие обстоятельства не совпадают настолько, чтобы работать одной заученной интонацией.

Дома у меня лежали схемы оригами. В них порядок был надёжный: сделаешь один сгиб, потом другой, получишь то, что на рисунке. Люди меняли порядок на ходу. Я нередко сердился на них именно за это.

Оригами я однажды попытался продать. Сделал несколько коробочек, положил внутрь конфеты. Представлял, что кто-нибудь купит подарок. Рома, с которым мы к тому времени снова понемногу разговаривали, посмотрел и сказал, что легче продать сами конфеты.

Я всё равно взял коробочки с собой. Две женщины посмотрели, одна похвалила, никто не купил. К концу дня бумага помялась. Я вернулся домой, достал конфеты и съел одну за другой. На меня напала злость: даже занятие, которое нравилось, пришлось проверять деньгами.

Одну коробочку оставил. Она получилась особенно аккуратной. Долго стояла на полке пустая. Я иногда складывал туда мелочь, потом убирал. Мне нравилось, что вещь может существовать без обязанности немедленно что-то приносить.

Сейчас я смотрю на ту полку в памяти и думаю, сколько разных вещей пытался делать. Мне часто говорили, что я непоследователен. Наверное, были правы. Только у меня не было готового набора возможностей, из которого можно спокойно выбрать. Я брал то, что попадалось, и проверял собой.

После каждого неудачного дня очень хотелось перестать пробовать. После небольшого удачного — казалось, наконец нашёл. Дальше менялись сезон, человек, цена, здоровье. Приходилось узнавать заново.

Если бы ты спросил тогда, кем я стану, я бы ответил уверенно. Назвал что-нибудь красивое, потому что мне не хотелось выглядеть человеком без будущего. Ничего из названного не умел бы объяснить. Я уже хорошо продавал надежду самому себе. Она оставалась единственным товаром, которого никогда не убавлялось в ящике.

3 Лестница

Монтажник, к которому я попал подручным, держал карандаш за ухом. Карандаш постоянно падал. Он искал его на полу и ругался, словно кто-то нарочно перекладывал инструмент.

Я носил коробки, подавал крепления, убирал пыль. У хозяев квартиры спрашивали, где поставить внутренний блок. Они показывали место, мастер смотрел на стену и объяснял, почему там неудобно. Иногда получалось договориться сразу. Иногда час уходил на разговор, после которого всё равно сверлили там, где он предложил вначале.

Мне нравилась часть работы до шума. Замеры, линии карандашом, ровный след уровня. Потом начинался перфоратор, и квартира превращалась в облако пыли. Я стоял с пылесосом, держал трубу у стены и ждал, когда можно будет снова услышать собственные мысли.

Особенно тяжело было с лестницей. Она выглядела устойчивой до того момента, пока наверх не забирался я. Тогда начинала жить отдельно от моих ног. Мастер говорил:

— Не смотри вниз.

Я смотрел. Внизу были его руки, пол и расстояние, которое он считал небольшим.

Однажды я сказал, что не полезу. Мне было стыдно ещё до того, как он ответил.

— Держать будешь, — сказал он и полез сам.

Я держал лестницу, ожидая насмешки. Он попросил отвёртку. Потом ещё один шуруп. Насмешки не было. Позже, на другой квартире, он всё-таки сказал: «Ну что, орёл, опять внизу?» — и засмеялся. Я тоже засмеялся, хотя шутка мне не понравилась.

Хозяева обычно видели готовую вещь. Мы включали устройство, по комнате шёл прохладный воздух, женщина поправляла волосы, мужчина спрашивал, сколько электричества расходует. Мастер объяснял, я собирал упаковку. Кто-нибудь говорил: «Как быстро сделали».

Быстро — это если не считать дорогу, подъём, ожидание хозяина и двух часов в предыдущей квартире. Сначала меня это сердило. Потом я стал понимать, что они благодарят нас за результат, а не ведут учёт нашего дня.

Вечером я возвращался с тяжёлыми плечами. Казалось, там всё ещё лежит коробка. Садился, выпрямлялся, снова садился. Хотелось делать что-нибудь другое, но даже сформулировать это «другое» я не мог.

Иногда мне говорят: значит, ты рано понял, что физический труд тебе не подходит. Это выглядит как стройная мысль. Я её так не думал. Я просто хотел, чтобы к вечеру у меня оставались силы. Не знал, на что их потрачу. На бумажную птицу, разговор, прогулку — хоть на что-то, кроме дороги от двери до кровати.

При этом мастер умел вещи, которые я и сейчас не умею.

Он слышал по звуку, что устройство работает неправильно. Видел, где проходит труба. Мог объяснить хозяину сложную штуку так, что тот переставал сердиться. У него тоже была голова; в моих поздних рассказах она почему-то исчезала. Оставались только руки и инструменты.

Я исправляю это здесь. Мне не хотелось его работы. Это не значит, что работа была ниже меня.

На монтажах я работал с мастером Борисом. Он не был моим наставником в том смысле, который часто придумывают задним числом. Ему нужен был человек, который вовремя приезжает, носит, держит, убирает. Я выполнял эти задачи и ждал оплаты. Иногда мы разговаривали. Иногда целый день обходились короткими командами.

В машине у него лежал блокнот с адресами. Страницы от постоянного перелистывания стали серыми по краю. Борис отмечал сделанное, расход материалов, обещания клиентов. Я заметил, что отдельным знаком помечены люди, которым не стоит верить насчёт денег.

— А зачем к ним ездить? — спросил я.

Он посмотрел на дорогу.

— Потому что работа нужна.

В этом ответе не было красивой позиции. Я сначала решил, что буду действовать иначе. Потом вспомнил торговую точку с вечно отсутствующим братом и замолчал.

Одна семья встретила нас пирогом. Женщина сказала поесть, пока мужчина заканчивает телефонный разговор. Мы

сели на кухне. Борис быстро доел, я тоже. Мужчина всё говорил. Потом вышел и сообщил, что у них изменился план. Устройство нужно повесить в другой комнате.

Материалы рассчитывали под прежнее место. Борис объяснил, что работа будет стоить иначе. Мужчина нахмурился.

— Мы же сумму обсуждали.

— На другой вариант.

Женщина внесла чай. Мне стало неудобно спорить в доме, где нас только что накормили. Борис спокойно повторил расчёт. Мужчина сказал, что подумает. Мы сидели на кухне ещё минут двадцать. Пирог на тарелке закончился. Я смотрел на пустую салфетку и хотел начать работать, лишь бы ожидание прекратилось.

В конце договорились. День всё равно сдвинулся. Следующий клиент звонил несколько раз. Борис отвечал, что задерживаемся. В одном разговоре повысил голос, потом положил телефон на сиденье и долго не говорил.

Я тогда впервые заметил, как можно таскать тяжесть, даже не выходя из машины. Борис сидел за рулём, руки у него были свободны, а лицо выглядело уставшим сильнее, чем после подъёма коробок.

На следующем адресе хозяин раздражённо объяснил, что ждал всё утро. Борис извинился. Я ожидал, что расскажет про другую семью, изменённый план и пирог. Он сказал только, что задержались на предыдущей работе.

Я стал дополнять. Борис посмотрел на меня и попросил

заняться инструментами. Мне показалось, что не даёт защитить нас. В машине после заказа спросил почему.

— Ему всё равно, чем мы там занимались, — ответил он.
— Он здесь ждал.

Я это хорошо запомнил. Позже сам много раз объяснял гостям, почему сотрудники не успели что-то сделать, хотя гостям требовалось знать, когда наконец получится. Знать подходящий ответ и пользоваться им — разные вещи. Я всё время узнавал это заново.

Борис иногда оставлял меня в комнате одного: сходить к машине, позвонить, купить недостающее. В такие минуты хозяева начинали спрашивать меня. Сколько ещё, почему так шумно, можно ли рядом поставить шкаф. Я отвечал увереннее, чем знал. Не хотел выглядеть подручным, хотя подручным и был.

Однажды посоветовал переставить мебель. Хозяин сделал, как я сказал. Борис вернулся и велел вернуть на место: я неправильно понял, что будет мешать. Мужчина посмотрел на меня без злости, просто устало. Ему пришлось дважды тащить один и тот же шкаф.

Я извинился. Борис позже спросил, зачем говорил, если не знал. Я сказал, что хотел помочь.

— Тогда скажи: сейчас уточню.

Фраза была короткая. Почему-то мне казалось, что проносить её может только человек, у которого уже есть право чего-то не знать. Новичок такого права, как я думал, не

имеет: должен сразу доказать пригодность.

В свободный день Борис позвал разобрать коробки в гараже. Я не хотел идти: рассчитывал, что отдыхаю. Он сказал, что заплатит. Я согласился. Мы доставали остатки материалов, раскладывали, выбрасывали упаковки. В дальнем углу стоял маленький стол, на нём недоделанная деревянная рамка.

Я спросил, для чего. Борис сказал, что хочет сделать дочери. Я удивился. В его машине, в разговорах и рабочем блокноте дочь почти не появлялась. Мне казалось, он всё время существует среди адресов.

Рамка была аккуратная, один угол не сходился. Я потрогал дерево, предложил идею, как соединить. Борис выслушал. Мы попробовали. Не получилось.

Он засмеялся и сказал, что вернётся к этому позже. Не рассердился на себя, не объявил, что руки неправильные. Просто убрал деталь.

Мне понравилось, что он способен заниматься вещью, которая не приносит денег, и оставить её недоделанной без ощущения катастрофы. Я сам пытался закончить каждую бумажную фигурку, иначе она весь вечер стояла перед глазами как упрёк.

Мы выпили чай в гараже. Борис спросил, что собираюсь делать дальше. Я ответил, что хочу другую работу. Ждал, что обидится. Он спросил какую. Пришлось признаться: пока не знаю.

— Тогда ищи, — сказал он. — Только когда найдёшь, предупреди. Чтоб я тоже человека искал.

Это было разумно. Я всё равно услышал только первую часть: можно уйти. Вторая вернулась в память намного позже, в заводском кабинете, когда начальник объяснял, что о моих планах никто не знал.

Последнее время у Бориса я стал работать раздражённо. Любое поручение казалось доказательством, что задержался здесь слишком долго. Он просил подать инструмент, я отвечал резче, чем нужно. Ему не было известно, что я мысленно уже занят другой жизнью. Он видел подручного, которому вдруг трудно разговаривать.

В один день спросил прямо:

— Не хочешь — скажи. Я могу другого найти.

Я начал объяснять, что дело не в нём, что хочу развиваться, что мне тяжело. Он не возражал. Попросил только не срывать работу молчанием.

Вечером я долго шёл пешком. Нужно было выбрать: продолжать и делать нормально либо честно сказать, что ухожу. Я тогда не выбрал сразу. Ещё несколько недель приезжал, поднимал коробки, старался говорить ровнее. Мне понадобилось время, чтобы перестать считать уход единственным решением, которое оправдывает существование человека.

На последнем нашем заказе я порвал рубашку об острый край упаковки. Дырка оказалась под мышкой, и её было видно, когда я поднимал руку. Мастер предложил старую фут-

болку из машины. Я отказался: хотелось добраться домой в своей.

Потом ещё долго носил эту рубашку под курткой. О перемене жизни думал уже тогда, но новую рубашку всё равно покупать не спешил. Деньги на перемены и деньги на обычные вещи были одними и теми же.

4 Низкое напряжение

На заводе выдали одежду, объяснили, где расписаться, и показали рабочее место. Это произвело на меня впечатление. До того у меня почти нигде не было места, которое считалось моим.

Мы собирали электрические шкафы. Внутри должно было оказаться то, что на схеме выглядело аккуратными линиями и условными обозначениями. Я учился видеть между рисунком и железом одну вещь. Сначала схема была похожа на чужой почерк. Потом по ней можно было пройти взглядом и заранее понять, что понадобится.

Рабочий рядом со мной, Юрий, проверял соединения рукой. Не дёргал, просто касался и чувствовал, где недотянуто. Я удивлялся, как он угадывает.

— Не угадываю, — говорил он. — Проверяю.

Он часто это повторял. Мне хотелось делать быстрее, чтобы казаться способным. Юрий замедлял меня в местах, где ошибка обошлась бы дорого. Я считал это придирами, пока сам не заметил, что после проверки спокоен.

Утром я шёл к проходной вместе с людьми, которых узнавал по походке. Все двигались примерно с одной скоростью. Опаздывающий выделялся издалека. В раздевалке пахло сырой тканью. Во время перерыва кто-то раскрывал газетный лист с бутербродами, кто-то покупал обед. Каждый знал,

сколько остаётся до конца смены.

Первое время мне нравилась определённости. Деньги приходили по расписанию. Можно было рассчитывать на следующий месяц. Я купил вещь, которую давно откладывал, и даже почувствовал себя взрослым. Потом заметил, что могу представить следующий месяц слишком подробно. В нём были те же шкафы, тот же маршрут, та же усталость.

Сначала я записывал каждый день работы на обороте календаря. Ставил маленький крестик после смены. Не помню, зачем начал. Наверное, хотелось видеть, что время прибавляется к опыту, а не исчезает. К концу первого месяца клеток с крестиками стало много. Я смотрел на них с удовлетворением.

На второй месяц календарь порвался. Я перестал отмечать. Рабочие дни перестали нуждаться в доказательствах: утром всё равно требовалось приходить.

Юрий однажды предложил мне пройти часть сборки самому. Он находился рядом, но не подсказывал, пока я не спрашивал. Я чувствовал одновременно гордость и злость: очень хотелось, чтобы доверие сразу означало самостоятельность, без человека за плечом.

На проверке нашёл ошибку. Возвращаться к ней было неудобно, пришлось снять то, что уже закрепил. Я ругался вполголоса. Юрий спросил, на кого.

— На себя.

— Толк есть?

Я не ответил. Переделал.

Потом он показал место на другой схеме. Спросил, что вижу. Я назвал. Он попросил проверить снова. Мне казалось, испытывает после неудачи. Когда заметил дополнительное обозначение, почувствовал себя глупо.

— Вот поэтому и смотрим, — сказал Юрий.

На следующей сборке я проверял слишком долго. Он подошёл, спросил, что мешает. Я сказал, что не хочу ошибиться. Он ответил, что не ошибаться совсем не обещал никто. Нужно делать так, чтобы ошибку обнаружить, пока она ещё поправима.

У него это не было философией. Он обсуждал конкретную работу. Я потом много раз придавал его словам более широкий смысл. Но сам Юрий, наверное, удивился бы, если бы услышал, сколько выводов я принёс из нескольких обычных замечаний.

В цеху был Олег, который любил рассказывать о больших планах. Он собирался открыть своё дело, переехать, найти знакомого, у которого есть выгодная работа. Каждую неделю план менялся. Мы слушали, задавали вопросы. Он отвечал уверенно, и рядом с ним я чувствовал себя слишком осторожным.

Однажды Олег действительно не пришёл. Нам сказали, что ушёл. Я обрадовался, словно это подтверждало существование внешнего мира. Юрий только заметил, что теперь часть работы придётся распределить.

Через несколько месяцев я встретил Олега в автобусе. Спросил, как дела. Он рассказал о новой работе, не совсем той, о которой говорил в цеху. Из его слов выходило, что занят не меньше, зарабатывает нестабильно, но ему нравится. Я ждал, когда признается в ошибке или объявит победу. Он просто рассказывал.

На остановке мы вышли вместе. Олег спросил, ещё ли я на заводе. Я ответил: пока. Это слово мне нравилось. Оно делало моё место временным, даже если конкретного плана не было.

Олег сказал, что знакомый ищет человека. Я сразу попросил номер. Работа оказалась почти той же, только дальше от дома. Денег обещали чуть больше. Я долго думал, стоит ли хотя бы попытаться. Перемена адреса казалась удобной: можно назвать её шагом вперёд и не начинать ничего действительно нового.

Не пошёл. Потом жалел, когда особенно уставал. Представлял новую работу такой, какой её не видел. Мне было легко завидовать чужой возможности, пока от меня не требовалось сделать выбор.

В один день Юрий ушёл раньше. Передал дела, объяснил, что сделать до конца. Я впервые увидел его без рабочей одежды. Обычная куртка, сумка. Он вдруг стал похож на человека, которого мог встретить в городе и не узнать.

На следующее утро спросил, всё ли нормально. Он сказал, что ездил с женой по делам. На этом разговор закончился. Я

понял, как мало знаю о человеке, с которым провожу столько часов. Придумал ему жизнь, состоящую из цеха, дома и снова цеха. Он в неё не помещался.

Позже мы разговорились о фотографии на его телефоне. Там была дочь на фоне воды. Я спросил, где это. Он назвал место, начал рассказывать о поездке. Говорил не так, как на работе: быстрее, с подробностями, смеялся. Показывал другие снимки. На одном держал огромное полотенце, которое ветер разворачивал как парус.

Я рассмеялся. Он тоже. Потом убрал телефон и вернулся к схеме.

Вечером я вспомнил поездку, которой у меня не было. Сначала разозлился на свою работу: опять забирает всё. Потом понял, что Юрий работает здесь же. Это не делало мои обстоятельства такими же. Но объяснение «из-за завода невозможна любая другая жизнь» стало менее удобным.

Я начал внимательнее считать расходы. Хотел накопить небольшой запас. Запас позволил бы уйти, если что-нибудь найдётся, и не принять первое предложение только из страха. На бумаге расчёт выглядел разумно. На деле всё время появлялось нужное: проезд, ремонт, продукты, вещь, которую откладывал слишком долго.

Несколько недель ходил пешком часть пути. Денег экономилось немного, усталости прибавлялось. Однажды приехал домой поздно и увидел, что пропустил звонок знакомого. Он звал встретиться. Я уже не хотел. Мне стало особенно непри-

ятно: сэкономил ради другой жизни и постепенно исключал из нынешней всё, что не было работой.

В субботу поехал просто погулять. Взял с собой немного денег, оставил калькулятор дома. Первые полчаса думал, что тратится время. Потом сел у воды, посмотрел на людей и поймал себя на том, что не знаю, сколько минут прошло. Это было непривычно и хорошо.

На завод вернулся в понедельник. Ничего не изменилось. Шкафы, схемы, очередь у проходной. Но я начал замечать, что решение уйти может существовать без презрения ко всему, что оставляешь. До этого мне почему-то требовалось сначала сделать место плохим. Тогда собственное желание перемен выглядело оправданным.

Юрий однажды спросил про мои английские листки. Я сказал, что хочу новую работу. Он кивнул. Не стал рассказывать, как жизнь устроена на самом деле, не требовал благодарности за своё обучение. Только попросил, если будет собеседование, заранее предупредить насчёт смены.

Я обещал. Потом, когда всё случилось слишком быстро, пришлось вспоминать это обещание с неприятным чувством. И всё равно первым делом я рассказывал о том, как меня не хотят отпускать.

* * *

До наклеек, до резюме и до гостиницы у меня была другая попытка выбраться. Не уверен, рассказывал ли тебе. Возможно, рассказывал как случай, когда меня хотели обмануть.

В такой версии можно было не объяснять, почему я так охотно согласился.

Однажды после смены мужчина, который привозил нам материалы, спросил, умею ли собирать небольшие щиты для помещений. Мы стояли у проходной. Он курил, я пытался убрать в пакет рабочую одежду. Ответил, что умею. Сборкой занимался каждый день. Он назвал несколько вещей, которые требовались для заказа. Всё было знакомо.

— Можно вечером делать. Ничего сложного.

В его голосе вечер существовал отдельно от моего дня. Словно на заводе я расходовал одни руки, а дома лежали другие, свободные.

Спросил, сколько платят. Он назвал сумму за изделие. Я сразу умножил на десять. Потом ещё на четыре: четыре недели. Получалось заметно больше того, что привык считать своими возможностями. Мужчина уже отвёл взгляд, а я ещё держал в голове цифру.

— Материал ваш?

— Наш. Инструмент есть?

Инструмента полностью не было. Сказал, что найду. О месте для сборки тоже не подумал. Спросил только, как скоро можно начать.

На следующий день он принёс лист с перечнем. Предложил для начала сделать одно, чтобы посмотреть качество. Срок обозначил приблизительно: к концу недели. Я согласился. В тот момент испытание казалось знаком справедли-

вости. Он ведь не знает меня, должен убедиться. Почему-то не спросил, оплачивается ли первое изделие и что будет, если он решит, что не подходит.

Юрий увидел бумагу, когда я положил её возле своей сумки. Не полез читать. Спросил, ищу подработку. Я ответил слишком бодро. Он попросил показать, посмотрел несколько строк, вернул.

— Где собирать будешь?

— Пока дома.

— Дома кто-нибудь ещё живёт?

Вопрос показался мелким. Конечно, живёт. Это же не помешает на несколько вечеров. Юрий уточнил про стол, место для материала, проверку готовой сборки. Я ответил, что разберусь. Он больше не спрашивал.

Я решил, что он не верит в меня. Как легко мне давался этот вывод. Человек задавал вопросы о столе, а я слышал приговор своей способности чего-то добиться.

Материалы привезли в пакете. Несколько вещей отсутствовали. Мужчина сказал, что остальное потом, а пока можно подготовить. Я взял пакет. Он был тяжелее, чем выглядел. На остановке поставил между ног, прижал к скамейке, чтобы не опрокинулся. Вечером разложил содержимое и впервые понял, сколько места оно занимает.

Пришлось убрать со стола всё обычное. Чашку, бумаги, хлебницу. Найти коробку для мелочей. Предупредить домашних, что какое-то время здесь будет работа. Я говорил

так, будто решение уже принято всеми. Мне задали простой вопрос: когда можно будет нормально поесть за столом.

Ответил, что недолго. Это было не время, а пожелание.

Работа не двигалась так быстро, как представлял у проходной. На заводе детали лежали там, где их положили до меня. Здесь надо было сначала убедиться, что действительно принесли нужное. Я несколько раз перекладывал одно и то же. Часть инструмента пришлось взять у знакомого. За ним съездил после смены и вернулся уже поздно.

Позвонил заказчику. Он не ответил. Написал, чего не хватает. Получил: завтра посмотрим. Завтра тоже не стало определённым днём. К концу недели часть нужного появилась, но срок в его голове, как выяснилось, не сдвинулся.

— Ты ведь уже начал?

— Начал. Только не всё было.

— Там немного осталось.

Я согласился, хотя именно я сидел перед недостающим и должен был лучше понимать размер остатка. Не хотел выглядеть человеком, который ищет оправдания ещё до первого заработка.

В пятницу ты позвал меня пройтись. Я сказал, что занят серьёзным делом. Ты спросил каким. Объяснил про заказ, деньги, перспективу. Тебя заинтересовала не перспектива, а сколько часов уже потратил. Я назвал приблизительно. Потом прибавил дорогу за инструментом, разговоры, сортировку. Сам удивился результату.

— А за пробный сколько?

Тут впервые пришлось сказать, что не знаю. Ты не стал смеяться. Предложил узнать до того, как уйдёт ещё один вечер. Я раздражённо спросил, всегда ли надо считать помощь друг другу. Ты ответил, что не понял, кому и с чем я помогаю. Мы немного помолчали. Мне хотелось закончить разговор, пока в нём не стало ещё больше неприятных вопросов.

В субботу сидел за столом почти весь день. Не буду описывать сборку как инженерное открытие. Это была обычная работа, которую надо выполнять внимательно. Но дома постоянно возникало что-нибудь ещё. Надо освободить место. Надо сходить в магазин. Надо убрать мелкое, потому что кто-то пользуется комнатой. Я сердился на эти просьбы, хотя люди не соглашались превращать выходной в продолжение моей смены.

Когда закончил, не почувствовал обещанного облегчения. Начал проверять заново. Мне хотелось, чтобы вещь сама отвечала на все вопросы обо мне. Если окажется идеально, мужчина сразу предложит десять следующих. Если найдёт недочёт, всё, что я вообразил на остановке, исчезнет.

Он приехал на следующий вечер. Посмотрел. Сказал, что нормально, но заказчик, возможно, захочет иначе расположить часть элементов. На листе, который я получил, этого не было. Я показал лист. Мужчина кивнул: да, просто теперь есть такое пожелание.

— Переделаешь?

— Это другой вариант.

— Да там чуть-чуть.

Я спросил об оплате. Именно в этот момент он, кажется, впервые понял, что мы не договорились одинаково. Он считал пробную вещь моим вложением в будущую работу. Я считал, что её оплатят, если пригодится. Ни один из нас не произнёс этого заранее.

Он не был злодеем, который с первого дня задумал украсть мои выходные. По крайней мере, я этого не знаю. Он просто пользовался удобным для себя предположением и не спешил проверять его. Я тоже пользовался предположением, только считал его надеждой.

Сказал, что бесплатно переделывать не буду. Голос дрожал. Хотелось повисить его, чтобы дрожь не была заметна. Мужчина удивился: ведь хотел работать. Ответил, что и хочу, но хочу понимать условия. Это звучало гораздо увереннее, чем чувствовал себя.

Мы договорились о небольшой оплате за сделанное. Сумма оказалась меньше той, что он называл у проходной: пробное, надо ещё проверить, часть материала его. Я мог продолжать спор. Не продолжил. Мне хотелось, чтобы пакет наконец ушёл из комнаты.

Он забрал изделие. Инструмент я вернул через день. Стол освободил не сразу: ещё вечером находил под бумагами мелочи. Отмыл поверхность. Оказалось, несколько следов остались. Домашние не устроили разбирательства. Просто

сказали, что дальше для такой работы нужно другое место. Мне было стыдно именно от спокойного тона. На крик можно было бы ответить, что никто не поддерживает.

В понедельник рассказал Юрию. Начал с того, что мужчина неправильно себя повёл. Юрий выслушал. Спросил, что было написано про пробную работу. Я сказал: ничего. Он подождал. Я добавил, что сам не спросил.

— Значит, теперь знаешь, что спросить.

Меня этот ответ не удовлетворил. Хотел сочувствия, возможно, подтверждения, что чужой человек виноват во всём. Юрий продолжил свою сборку. Для него разговор уже дал то, что мог дать. Я стоял рядом и ждал другой развязки.

С тобой мы встретились через несколько дней. Ты не сказал «я предупреждал». Наверное, это помогло рассказать без нового спора. Я показал, сколько получил. Ты предложил посчитать по часам. Я отказался. Потом всё-таки посчитал дома. Получалось, что ради осязаемой суммы я сделал незаметно много мелких уступок.

Это не означало, что подработки всегда плохи. У людей рядом они получались. Кто-то держал отдельный стол, знал заказчиков, брал ясные задачи. Я видел только сумму в конце и поэтому каждый неоплаченный час считал частью пути к ней.

Мужчина ещё раз позвонил. Сказал, появились новые заказы, теперь всё будет проще. Я уже подготовил отказ, но во время звонка снова почти согласился. Так приятно слышать,

что ты понадобился. Пришлось открыть тот самый лист и спросить про оплату, сроки, недостающий материал, переделки. Разговор быстро потерял бодрость. Он сказал, что подумает. Больше не позвонил.

Ты, наверное, ждёшь, что после этого я наконец научился договариваться. Нет. Долго учился заново в каждом месте, где мне казалось, что предлагают шанс. Возможность занять другую должность заставляла забывать даже то, что понял на собственном кухонном столе.

Но один результат остался. Когда стал думать о следующей работе, уже не мог полностью убедить себя, что достаточно добавить к смене ещё несколько часов. На бумаге доход рос. В жизни пропадал вечер, потом выходной, потом силы заметить, зачем вообще увеличивал доход.

Я хотел больше денег. И хотел перестать возвращаться домой так, будто до утра остаётся только восстановить руки. Эти желания были разными, хотя долго говорил о них одним словом: развитие.

В тот месяц я впервые записал расходы без намерения немедленно разбогатеть. Проезд, еда, то, что должен отложить, то, без чего обойдусь недолго. Оказалось, уходить прямо завтра нельзя. Оказалось также, что можно понемногу готовить переход, если не покупать каждую неделю доказательство того, что уже перехожу.

Лист повесил не на виду. Сложил и убрал. Не хотелось объяснять его всем. Иногда доставал после смены, смотрел

на суммы, переписывал. Рядом постепенно появились первые английские слова. Пока ещё не знал, к какой двери они меня приведут.

5 Наклейки

Однажды я не пошёл сразу домой. Сидел на остановке и пропустил автобус. Хотелось задержать время между работой и завтрашней работой. Пришёл следующий. Я сел и всю дорогу рассматривал ладонь: на ней отпечатался край металлической детали.

Дома открыл компьютер. Он запускался долго. Я успел поставить чайник, забыть, зачем включил машину, и вернуться к столу. На экране нашёл вакансии. В половине названий не понимал, что человеку вообще предстоит делать. Но почти везде, где работа казалась мне интересной, встречалось слово «английский».

Я знал несколько школьных фраз. Одну мог произнести хорошо, потому что заучил её много лет назад. Всё остальное было набором знакомых слов, из которых никак не получалось предложение.

В тот вечер я не решил, что через столько-то месяцев сменю работу. Написал на листке пять слов. Это оказалось достаточно маленьким делом, чтобы не отложить его на понедельник.

Утром положил листок в карман. В течение смены достал раза четыре. На пятый бумажка упала на пол и прилипла к подошве. Юрий заметил её и спросил, что там.

— Английский.

— Тебя куда отправляют?

— Пока никуда.

Он поднял листок, отдал и вернулся к шкафу. Я ожидал вопросов. Их не последовало. Почему-то от этого стало легче. Можно было ещё некоторое время делать маленькое дело и не объяснять, во что оно превратится.

Стикеры я купил слишком яркие. Мне хотелось, чтобы слова было трудно не заметить. Через неделю около рабочего места висели жёлтые и розовые квадратики. На одном была фраза про дорогу, на другом — просьба повторить медленнее. Ещё я написал несколько слов, которые никак не запоминались.

Они стояли перед глазами в перерывах. Пока работал со схемой, приходилось думать о схеме: если отвлечься, ошибок становилось больше. Поэтому я учил кусками. Закончил операцию, проверил, убрал инструмент — посмотрел на слово. Иногда к обеду помнил только одно. Вечером сердился, повторял остальные.

Юрий называл это моими обоями. Сначала снимал стикеры, если они мешали. Потом стал переклеивать на край стола.

— Вот сюда вешай, тут не заденешь.

Однажды он спросил, как будет «перерыв». Я сказал. Он повторил с таким видом, будто проверяет качество детали. К следующему перерыву забыл. Я напомнил. В конце дня он подошёл и произнёс слово сам. Мы оба рассмеялись.

Это были хорошие минуты. Их легко потерять, если рассказ о заводе нужен только затем, чтобы эффектно из него уйти.

В автобусе я слушал короткие записи. В наушниках человек приветствовал другого человека, интересовался его именем и сообщал, откуда приехал. У них не было забот. Они говорили отчётливо, терпеливо повторяли, не перебивали. Иногда мне казалось, что я учу язык для мира, в котором все уже согласились помочь.

Стоило включить что-нибудь настоящее, я переставал понимать. Люди проглатывали слова, смеялись посреди фразы. От этого хотелось вернуться к тем двоим, которые с радостью сообщали, где живут.

Дома я ходил по комнате и представлялся невидимому собеседнику. Называл имя, говорил о возрасте, перечислял то, что умею. На слове «работа» всегда останавливался: дальше нужен был рассказ о заводе, а я не знал, как объяснить устройство, которое собираю каждый день.

Я пытался переводить длинное название целиком. Получалось торжественно и непонятно. Потом нашёл простую фразу: собираю электрическое оборудование. Впервые сумел произнести её, не заглядывая в листок. На следующий день повторил тебе.

Ты тогда уже появлялся у меня по вечерам. Иногда мы просто ели и смотрели что-нибудь. Иногда чинили компьютер. Чаше пытались понять, почему компьютер опять требу-

ет ремонта. У меня было чувство, что я не могу начинать новую жизнь на машине, которая подвисает, когда открываешь две вкладки. Ты говорил, что две вкладки — роскошь, и закрывал одну.

— Слушай, а разговаривать ты уже можешь, — сказал ты после моей фразы.

— Это я заучил.

— Всё равно можешь.

Я хотел возразить, но ты спросил, почему не попробую гостиницу. Там нужен язык, там люди, там придётся говорить каждый день. Я первым делом представил стойку, свет и чистую рубашку. Ни бронирований, ни ночных смен в моей картинке не было.

— Меня кто возьмёт?

— Не знаю. Давай попробуем узнать.

Так ты обычно разговаривал о вещах, которые я успел сделать невозможными ещё до начала. Не обещал, что получится. Предлагал проверить.

Мне это и нравилось, и мешало. С обещанием легче: либо оно сбывается, либо можно обвинить того, кто обещал. А после «проверим» приходилось самому жить с результатом.

У меня была отдельная тетрадь для слов и отдельная для фраз. Через несколько недель я перестал различать их назначение. Записывал на той странице, которую быстрее находил. Иногда одно слово появлялось трижды. Это раздражало: казалось, уже обязан знать.

Вечером ставил себе план. Двадцать новых слов, повторение старых, короткий разговор. Через день оставлял десять. Потом снова двадцать, потому что чувствовал вину за послабление. В результате иногда не делал ничего, кроме самого плана.

Ты однажды предложил учить по пять. Я ответил, что так никогда не успею.

— Куда?

— На нормальную работу.

— А когда её обещали?

Я сердито захлопнул тетрадь. Мне нужен был срок, иначе старания казались бесконечными. Но срока никто не назначал. Я придумал его сам и теперь требовал, чтобы язык уложился.

На стене над столом повесил список. Он быстро вырос. Я отмечал выученное, потом обнаруживал, что слово не вспоминается, и убирал отметку. Это было неприятнее, чем не знать с самого начала. Будто кто-то отнимал результат работы.

Однажды вечером мы решили разговаривать только на английском. Ты знал больше меня, но тоже иногда останавливался. Сначала получалось весело. Я спрашивал, как добраться до станции, ты показывал дорогу по комнате. Потом попытались говорить о завтрашнем дне. Я хотел объяснить, что поздно закончу на работе и, возможно, не смогу встретиться. Не смог построить фразу.

Ты ждал. Я начал сначала, использовал другое слово, потерял середину. В конце перешёл на русский.

— Ты же понял, — сказал я.

— Понял. Но ты хотел сказать сам.

Это была точная разница. Я всё время надеялся, что люди догадаются. Язык заставлял выбирать, что именно хочу передать. На родном я мог засыпать человека словами. На новом такого запаса не было.

На следующий день записал простую фразу о времени работы. Повторял в автобусе, потом у себя дома. Она понадобилась только через несколько дней, а я к тому времени уже придумал другую. Впервые почувствовал, что могу заменить слово, если забыл точное, и всё равно закончить мысль.

Эта маленькая возможность обрадовала сильнее, чем большой список. Я начал записывать целые ситуации: как спросить, можно ли перезвонить; как сказать, что уточню; как объяснить, что не понял последнее слово. Некоторые фразы были скучными. Они и оказывались полезнее всех.

Но до живого разговора дело долго не доходило. Я репетировал с тобой, слушал записи, говорил зеркалу. Сам себе был терпеливым собеседником, которому всегда понятно, о чём речь.

Однажды в магазине рядом с домом иностранный мужчина спросил что-то у продавца. Тот не понял. Я стоял рядом и узнал несколько слов. Мужчина искал батареек. Я мог помочь. У меня даже была нужная фраза.

Я промолчал.

Пока собирался с духом, мужчина показал старую батарею. Продавец понял. Разговор закончился. Я вышел следом и целую дорогу объяснял себе, что не успел. На самом деле боялся заговорить и оказаться не тем человеком, которым уже представлялся в голове.

Дома рассказал тебе иначе. Сказал, что почти помог, но они разобрались. Ты не придавал случаю особого значения. Только предложил в следующий раз не ждать идеального момента. Мне показалось, говоришь легко, потому что не видел того человека.

Через неделю похожая ситуация повторилась на улице. Женщина спросила дорогу. На этот раз я ответил. Очень коротко, с паузой. Она уточнила, я показал рукой. Поблагодарила и ушла. Несколько минут я стоял на месте, глупо улыбаясь. Потом позвонил тебе.

— Поговорил, — сказал я.

— С кем?

Я объяснил. Ты попросил повторить, что именно сказал. Я повторил, теперь хуже. Мы рассмеялись. Ты заметил, что в настоящем разговоре никто не требует воспроизвести его второй раз без ошибок. Я тогда не понял, насколько это освобождает.

После этого мне захотелось говорить со всеми. Два раза подошёл помочь без просьбы. В одном случае действительно помог. В другом люди прекрасно понимали друг друга и

посмотрели на меня с недоумением. Я вернулся домой смущённый. Желание доказать, что умею, опять оказалось сильнее внимания к тому, нужно ли моё умение сейчас.

Ты работал в мастерской, приходил уставший. Я хотел немедленно рассказывать о каждом новом слове. Иногда ты слушал, иногда просил сначала поесть. Я считал это дружеской шуткой. Один раз ты сказал серьёзно:

— Я сегодня весь день с людьми говорил. Дай мне десять минут.

Мне стало обидно. Я ведь не посторонний человек. Хотел делиться. Вместо того чтобы подождать, начал объяснять, что говорю совсем немного. В результате твоих десяти минут не получилось вовсе.

На другой вечер сам пришёл с работы так уставшим, что не хотел слышать никаких вопросов. Ты заглянул с пакетом продуктов. Я сказал, что всё нормально, и сел молча. Ты тоже не разговаривал. Разогрел еду, поставил передо мной. Сначала я почувствовал благодарность. Потом стыд: тишина, которую ты сумел мне дать, недавно казалась мне отказом в дружбе.

Мы не обсуждали этого. Поели, посидели. Я открыл тетрадь, показал одну фразу. Ты прочитал и исправил слово. На этом хватило. В тот вечер учёба не превратилась в подвиг, и от этого я почему-то запомнил её лучше.

Я привык потом рассказывать, что буквально глотал английский. Это довольно точно передаёт желание, но плохо

описывает дни. В них были пропуски, злость, забытые слова, короткие удачи. Иногда я учил стоя, иногда засыпал с тетрадью. Иногда закрывал её и смотрел фильм по-русски, чтобы не чувствовать себя глупым хотя бы час.

Постепенно стало больше того, что могу сказать. Не вдруг, не к понедельнику. Просто однажды мне потребовалась фраза, и она нашлась. На следующий день другая не нашлась. Я продолжил. Именно эту скучную последовательность я всё время сокращал в своих рассказах, потому что она не похожа на озарение.

Мы договорились заняться резюме в выходной. До него я учил язык с новым усердием и совершенно ненужной спешкой. Мне казалось, за три дня можно добрать всё, чего не знал раньше. К субботе я хуже помнил даже знакомые слова.

Ты пришёл с продуктами, посмотрел на мои листки и предложил сначала поесть.

6 Пустая папка

В резюме у меня было много труда и мало строк.

На первую страницу резюме ушло больше времени, чем рассчитывали. Ты предлагал убрать лишнее. Я защищал каждую подработку: если вычеркнем, получится, что этого труда вообще не было.

— Он был, — говорил ты. — Но человеку надо быстро понять, что подходит к работе.

Я смотрел на пустеющий список и не верил. В нём исчезали самые тяжёлые дни. Оставалось несколько коротких формулировок, которые могли принадлежать кому угодно.

Мы попробовали сделать документ длиннее. Он занял две страницы. На второй была почти одна строка. Ты сказал, что так хуже. Я предложил увеличить шрифт. Ты посмотрел на меня. Мы оба засмеялись, но я смеялся немного сердито: хотелось, чтобы новая страница выглядела значительнее.

«Работа с клиентами» звучало лучше, чем «носил товар по магазинам». Но ты спрашивал, что я там делал, и мы возвращались к конкретным словам. Договаривался о поставках, собирал оплату, записывал заказы. Это я действительно делал. Мы вписали.

— А английский какой? — спросил ты.

Я назвал уровень повыше.

— Точно?

— Примерно.

Ты ничего не ответил. Открыл страницу с короткими вопросами и предложил поговорить. Через несколько минут я попросил по-русски.

— Давай напишем честно, — сказал ты. — А на собеседовании покажешь, сколько получится.

Мне не понравилось слово «честно». Оно делало меня хуже без всякого злого умысла. Я и так смотрел на резюме и думал, что человек с такой страницей вряд ли кому-нибудь понадобится.

Компьютер завис именно тогда, когда мы почти закончили. Ты не дал мне нажать кнопку питания. Мы ждали. Я смотрел на курсор и пытался убедить машину, что сейчас очень важный момент. Курсор вернулся к жизни без всякого отношения к моей судьбе.

Первый файл мы назвали неправильно. Потом сделали второй. Потом обнаружили опечатку в номере телефона. Ты заставил меня прочитать весь документ вслух. Я торопился. Ты останавливал.

Это та фотография, которую ты прислал сейчас. Я не помнил, что нас кто-то снимал. По-моему, я в тот вечер вообще не видел ничего за пределами экрана.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.